

Судьба Ало-Лазурной Звезды... Она просто не хотела брать на себя эту ношу. Поэтому и твердила, что не верит в судьбу, что «предназначение — всего лишь человеческие выдумки».

Гибель Линлун, смерть учителя — всё это она просто хотела забыть, убежать от боли и собственного бессилия. Поэтому и говорила, что это карма, что этого не изменить.

И Бэйчао... Она просто хотела успокоить совесть. Говорила, что старые обиды пора оставить в прошлом, что Бэйчао не хотел бы, чтобы потомков терзала ненависть... Но на самом деле — как она могла знать, что думали люди Бэйчао? Как могла прощать *за них*?

И наконец, Дева Цзюнь... Ли Чжао знала, что должна была вернуться в бамбуковую рощу вместе с ней. Ведь она — дочь учителя. Наверное, хотела бы узнать о нём что-то. Может, учитель что-то для неё оставил.

Но она сбежала. Не хотела чувствовать эту боль. Рядом с Девой Цзюнь ей всегда хотелось чего-то большего — а это могло ранить её. И тогда та возненавидела бы её... Ли Чжао не хотела ни ранить Деву Цзюнь, ни быть ею ненавидимой. Не хотела видеть, как та заботится о ком-то другом. Поэтому сбежала.

Думала, может, уход поможет ей остыть. Может, горе от смерти учителя затмит всё остальное...

Вдруг её «осенило»: а не использовала ли она смерть учителя как предлог?

При этой мысли Ли Чжао схватилась за голову, не веря себе. Какая же это подлость! Как она могла?

— Ли Чжао, дитя! —

Не дав ей погрузиться в ужас, снаружи донёсся зов.

Услышав, Ли Чжао моргнула, сползла с кровати и, шатаясь, вышла наружу.

Яркий солнечный свет ударил в глаза, заставив её прищуриться и нахмуриться. В висках застучало...

И в следующее мгновение всё погрузилось во тьму.

— Бух!

— Ли Чжао!

Тётка Ли бросилась к ней, подхватила на руки эту глупышку, которая за несколько дней превратилась в тень, и поспешно понесла вниз с горы.

...

Неизвестно, где она очнулась.

Когда Ли Чжао снова открыла глаза, солнце уже не слепило. Но где это?

Она поднялась с земли, огляделась: лес, ручей, высокая гора. Это... Роща Десяти Ли?!

Поражённая, она вскочила, подбежала к ручью — и точно: там стояло вино. Затем осмотрелась

— увидела земляной холмик и воткнутое в него грубое надгробие.

— Ха-ха... — сухо рассмеялась она, не понимая, не во сне ли всё это.

— Старшая сестра, мы тут уже полдня кружим...

Внезапно чей-то голос донёлся по ветру — и сердце Ли Чжао забилося как бешеное.

Но прошло несколько мгновений, а желанного голоса так и не последовало.

— Старшая сестра?

Сань Миншэн озвучил её недоумение.

— На утёсе, в беседке, — спустя паузу донёлся ясный, холодноватый голос.

Ли Чжао больше не могла сдерживаться. Взрыв с помощью цигуна, она помчалась сквозь лес на звук.

Порыв ветра в лицо.

Она замерла, притаившись в тени деревьев, и уставилась на двоих, идущих по тропе.

— Шш! — Сань Миншэн выхватил меч, готовясь к незваной гостье.

Но его старшая сестра не поддержала порыва, холодно бросив:

— Младший брат, убери меч и отойди подальше.

Услышав это, Сань Миншэн округлил глаза, обернулся к сестре — не веря ушам.

— Иди. Не заставляй меня повторять в третий раз.

Это прозвучало серьёзно.

— ...Ладно. Старшая сестра, будь осторожна. Я буду там. — Сань Миншэн всё ещё колебался, но послушно вложил меч в ножны и отошёл.

Когда звук его шагов затих, Ли Чжао всё ещё стояла как вкопанная, не отрывая взгляда от Девы Цзюнь. Сделала шаг — и вдруг почва ушла из-под ног. Она растерянно съехала по склону, шлёпнулась на землю. Больно не было, хотя ладони были исцарапаны камнями и сочились кровью.

Она перевела взгляд на окровавленные ладони. И не знала, радоваться ли: значит, это всё-таки сон.

— Почему не смотришь под ноги?

Сверху донеслись слова. Ли Чжао одеревенело подняла голову и, увидев лицо Девы Цзюнь, едва не расплакалась. Почему-то стало обидно, беспомощно и тоскливо. Но в то же время в груди шевельнулась радость. Не зная, какое выражение придать лицу, она снова опустила голову.

— Эх.

Лёгкий вздох. Послышался лёгкий шелест — тень над головой отступила. Но присутствие Девы Цзюнь не исчезло: та села прямо перед ней. Ли Чжао дрогнула ресницами, непроизвольно сжала кулаки — из царапин хлынула кровь.

— Разожми.

Всего два тихих слова, которые ветер мог бы унести. Но Ли Чжао расслышала — и послушно разжала ладони.

Тут же на руку лёг прохладный предмет. Кто-то осторожно обрабатывал её раны.

Совсем не больно. Во сне ведь не больно. Ли Чжао пошевелила пальцами. На самом деле не хотела, чтобы Дева Цзюнь возилась с этими пустяковыми царапинами. Она хотела лишь схватить её руку и обнять...

Снова эти желания.

Ли Чжао зажмурилась, стиснула зубы. Держаться. Даже во сне. Даже если Дева Цзюнь ничего не узнает... Нельзя. Нельзя!

— Ты сдерживаешься?

Да.

Хотя ей страстно хотелось ответить, губы не слушались. Она надеялась, что Дева Цзюнь не станет допытываться. И одновременно — чтобы этот сон поскорее кончился.

Или... чтобы не кончался вовсе...

— Не хочешь говорить — как знаешь. — В голосе Девы Цзюнь прозвучала лёгкая обида.

Не желая её огорчать, Ли Чжао, не открывая глаз, прошептала:

— Я... сдерживаюсь...

— Что сдерживаешь?

Разумеется, спросит. Ли Чжао открыла рот, но не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть. В груди поселился страх — и она задрожала.

— Ли Чжао, если не хочешь — не говори. Если не хочешь меня видеть... я могу уйти сейчас же.

С этими словами перевязка была закончена. Человек перед ней, должно быть, поднялся — сейчас исчезнет.

— Нет! — вырвалось у Ли Чжао, и она судорожно вцепилась в её руку.

Но глаза не открывались — будто их склеило. Страх...

Отпусти. Иначе не сдержусь. Раню её. И она возненавидит... Не хочу, чтобы ненавидела.

Такой голос звучал в сердце.

— С чего бы мне тебя ненавидеть?

Э?

Ли Чжао остолбенела. Неужели... она проговорилась вслух?

— Если ты не скажешь — откуда я узнаю? Если не спросишь — откуда узнаешь, что я не соглашусь?

Она резко распахнула глаза. Всё было мутным, расплывчатым, залитым светом — и в нём стояла её фигура.

— Дева Цзюнь... я... хочу... обнять тебя. Можно?

Наконец собралась с духом выговорить — и в ту же секунду пожалела. Ли Чжао отпустила её руку, отпрыгнула на два шага назад, выдавила улыбку и затараторила:

— Я... я пошутила! Дева Цзюнь, не обращай...

...внимания.

Внезапно в её объятия ворвался «лёгкий ветерок». Белые волосы скользнули по щеке. Ли Чжао остолбенела, широко раскрыв глаза. Руки застыли — можно ли обнять того, кто сейчас прижался к ней?

— Больше — ни-ни.

В ухо прошептали эти четыре слова. Ли Чжао больше не могла сдерживаться. Она крепко обхватила её, и слёзы хлынули потоком. Казалось, она хотела выплеснуть всё — и боль, и радость. Всё рассказать. Даже если... это всего лишь сон.

— Дева Цзюнь, я так по тебе скучала... — Ли Чжао рыдала, захлёбываясь, голос дрожал. — Хотела тебя видеть... но боялась. И было так больно. Хочу, чтобы ты думала обо мне... не хочу, чтобы ты думала о других... Почему так? Почему даже когда я сбежала... даже когда мне больно из-за учителя... я всё равно думаю о тебе...

Ответа не было. Дева Цзюнь лишь гладила её по волосам и позволяла обнимать изо всех сил.

Ли Чжао всё понимала. Так же, как она безумно дорожила Девой Цзюнь, та дорожила своей старшей сестрой. Поэтому её желание не сбудется никогда. Даже во сне.

Но и этого достаточно. Если бы Дева Цзюнь солгала, ей было бы ещё больнее. И она не хотела ставить её в неловкое положение.

Думая так, Ли Чжао понемногу успокоилась. Медленно разжала объятия — и тут же укорила себя: не слишком ли сильно сжала?

Но она-то отпустила, а Дева Цзюнь по-прежнему обнимала её за талию.

— Дева Цзюнь? — в груди предательски вспыхнула радость.

— Ли Чжао, ты мне дорога. Поэтому не смей нарушать данную мне клятву.